

"Минус шесть" и вся жизнь. Перестать быть музыкантом невозможно

Татьяна МАМАЕВА

Казанская государственная консерватория - одна из успешных в России. Победы ее нынешних студентов и выпускников на многих престижных конкурсах, концертная деятельность, амбициозные проекты - все это работает на ее авторитет. Как удастся добиться успеха? Сегодня наш собеседник - ректор консерватории Рубин АБДУЛЛИН.

- Рубин Кабирович, как успешный и популярный музыкант вдруг стал успешным ректором?

- Наверное, это произошло благодаря тому, что я не переставал быть музыкантом. Это было первое условие, при котором я сам для себя решил принять предложение стать ректором. Потому что, перестав быть музыкантом и превратившись в клерка или в администратора, мне не удалось бы найти то родство среди консерваторцев, которым я дорожу больше всего. Это драгоценная для меня царящая у нас атмосфера доверия и доброжелательности и, как это может быть ни парадоксально в сфере культуры, - сочувствия и радости от успехов наших соседей. Это труднодостижимое качество, потому что в артистической среде бактерии зависти витают в воздухе и каждый считает себя самым-самым выдающимся. Это трудно преодолимо, но когда возникает такая атмосфера доверия, она ведь не бывает односторонней, это многостороннее явление. При этом исчезают дразги и сплетни, лишние разговоры, хотя по-прежнему люди интересуются не только искусством, но и хлебом насущным.

- Вы назвали это первым условием. А было и второе?

- Было. Надо было учиться - учиться профессии ректора. Многие мне сейчас говорят: "Мы не знали, кого выбираем". Да, не знали. Не знали, получится из меня ректор или нет, это бабушка надвое сказала. Я все время чувствую свою ответственность и перед преподавателями, и перед музыкантами, и перед студентами. Так что все время приходится учиться. Надо знать и основы экономики, и основы менеджмента, и учиться разговаривать с людьми. Думаю, что мне в этом помогает то, что у меня были и хорошие родители, и хорошие учителя. Были и конфликты - такие ситуации неизбежно возникают в жизни, они требуют искусства управления. Так что переставать учиться не приходится.

- Как прошел первый год вашего ректорства и были ли сделаны ошибки, которых вы сейчас уже можете избежать?

- Ошибок было много! Я сам иногда чувствовал, что ошибаюсь, что не так надо было поступать. Но без ошибок не обходится никто. Обратная сторона ошибок - они хорошие

учителя. Ткнешься - и ясно становится: так нельзя. Хочется избежать ошибок, но из тех, кого я знаю, это ни у кого не получается. Я не исключение. Учиться на ошибках - самая хорошая школа. Это практикум. Конечно, было очень трудно, потому что композиторский и ректорский авторитет создателя консерватории Назиба Гаязовича Жиганова был огромен, равно как его человеческий авторитет. Ведь он был ректором 43 года. Все, что было создано к моменту моего прихода на пост ректора, было создано Жигановым. И вдруг это все было доверено другому человеку. Но я почувствовал такую поддержку на выборах! Нас было семь кандидатов, выбрали меня. После выборов в консерватории и до момента утверждения в Москве я прошел шесть или семь комиссий, в том числе и бюро райкома, и бюро обкома - на дворе был 1988 год. В кабинет-то я, собственно, попал в 1989 году, это случилось 2 февраля. И хотя мне уже приходилось напрямую сталкиваться с проблемами управления, даже не подозревал, насколько я неграмотен в этом вопросе. Я получал бумагу, читал ее и понимал, что у меня отсутствует целая область знаний. И нужен консультант, потому что я могу такое наделать, что потом не исправишь. Трудно было. Я проводил в кабинете дни и ночи, но была здоровая амбиция - не сдать позиций. Не сделать хуже. Не навредить, сберечь людей и традиции. Время было трудное, в стране все разрушалось. Казалось, ничего хорошего уже не будет, власть давала много обещаний, которые не сдерживала.

- Да, вы пришли в консерваторию не в самое простое время...

- Все ломалось, все перестраивалось, перестали платить зарплату. Перестали выдавать деньги по защищенным бюджетом статьям. Сейчас мы об этом как-то легко вспоминаем, однако было тяжело. Но рядом со мной в это время были надежные люди - ученый совет, например. Помню, кстати, то заседание, перед которым не пришли деньги на зарплату, и я должен был сказать об этом людям. Перед этим съездил в Москву, попытался разобраться, что же происходит. Мне сказали, что деньги будут, но не сразу. И тогда помогли старейшие члены нашего коллектива. Например, профессор Семен Казачков, который встал и сказал, что он проработал в консерватории всю жизнь и будет еще работать, сколько Бог даст, и что он никогда не работал ради денег. Да, это его кусок хлеба, но он знает: в какие-то времена люди должны делиться хлебом. Он предложил всем профессорам как людям наиболее высокооплачиваемым перейти на полставки, чтобы помочь молодым. Он сказал, что они уже давно стоят на ногах, а молодежи сейчас гораздо труднее. Удивительно было слышать все это.

- И его поддержали?

- Не все решились на этот шаг, но тогда было важно услышать эти слова. Казачков на полставки перешел. Кстати, пример профессора Казачкова - это пример стоической жизни. Он служил консерватории и ее идеям. Позже завещал консерватории и квартиру, и

библиотеку - все, что у него было. Я привел этот пример для того, чтобы вы понимали: в консерватории работают совершенно особые люди. Те, кто с шести лет занимается музыкой. То есть получается - "минус шесть" и вся жизнь. А заниматься с музыкантом - это значит заниматься и психологией, кругозором - всем, что входит в понятие "специальный предмет". Когда это происходит успешно, педагог и ученик становятся родственниками. Они чувствуют друг друга очень остро. И вот эту консерваторскую атмосферу - главное, что есть в творческом вузе, мне удалось сохранить.

- Консерватория Жиганова и консерватория ректора Абдуллина - что общего и в чем разница?

- И жизнь поменялась, и отношение к музыке и музыкантам иное. Поменялась экономика, поменялся рынок. Он предлагает и требует более ходовой товар. Но если говорить о том, что мы берегли как зеницу ока, то есть учебный процесс, нам удалось избежать судьбы многих вузов, которые пооткрывали филиалы и новые направления, назвались университетами и академиями. Мы не взяли ни одного предмета, который бы не входил в фокус классической музыки. Мы открыли отделение педагогики балета, потому что это в интересах и консерватории, и театра. Таким образом, мы замкнули цепь: хореографическое училище - консерватория - театр. В старейшей консерватории, в Санкт-Петербурге, эта специальность была сразу. Именно в консерватории. Кстати, Мариинский театр и консерватория - очень родственные структуры, они даже строились одним архитектором. Точно так же, мне кажется, нельзя разрывать сферу интересов сценических площадок и консерватории. В консерватории всегда должны быть дублеры того состава, что, скажем, попадает в Государственный симфонический оркестр или другие коллективы. Это воспитание под крылом родителей, оно очень важно.

- Насколько важно для консерватории иметь свою концертную площадку? В Москве, например, одна из самых популярных площадок - концертный зал Московской консерватории.

- Большой зал Московской консерватории и Глазуновский зал в Санкт-Петербурге - это те высокие площадки, на которые стремятся попасть все. На них творят лучшие коллективы. Поэтому сфера профессиональной деятельности музыкантов совпадает со сферой учебного процесса. Это и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что эта музыкальная атмосфера так или иначе воспитывает студентов - так же, как педагоги, так же, как сама сцена. Потому что, не слушая концерты и спектакли, хороший музыкант не вырастет. С другой стороны - возникает проблема занятости этих залов, они часто отдаются для малохудожественных проектов, чуждых классической музыке. Попса не должна появляться в таких залах! И если клиника не может быть без операционной, так и консерватория не может быть без своего Большого зала. Мы ориентируем свой учебный процесс на сцену.

Скрипач должен поиграть в студенческом оркестре прежде, чем он сядет в профессиональный оркестр, так же и любой музыкант. Вокалист должен попробовать свой голос на большой сцене, он должен знать пять партий минимум, чтобы претендовать на место в профессиональной труппе. Путь на профессиональную сцену так многосложен и подвержен многим влияниям, что очень часто бывает так: подающие надежды музыканты уходят из искусства и оказываются в сфере торговли, менеджмента и так далее - небольшой процент, но он есть. Это и есть влияние сегодняшнего дня, влияние рынка, который вдруг выбросил на прилавок все, что мы сейчас имеем. Такой же рынок возник и в сфере образования. Хочешь эту специальность? Пожалуйста! А хочешь эту?.. Очень часто эти новые специальности не подкреплены настоящими учебными программами, настоящими знаниями. Очень сильно это сказалось, когда начали открываться негосударственные вузы. Часто их дипломы получают просто для того, чтобы иметь статус присутствия в большом городе. Один из наших вузов, где есть музыкальный факультет, сократил обучение на нем до трех лет, а я имел несчастье попасть в число приглашенных педагогов, которые принимали там государственные экзамены. Это было, как говорится, "кара урман", то есть темный лес. Я не пошел на поводу и не стал ставить хорошие оценки. К счастью, эти извращения в сфере образования не коснулись нашей консерватории, мы смогли сохранить ее. Мы не просто сохранили верный учебный процесс, но и во многих направлениях продвинулись вперед. Об этом я могу судить даже по тому, как со мной здороваются коллеги в Москве и Санкт-Петербурге. Они уважительно здороваются не только со мной, а с Казанской консерваторией.

- В рейтинге консерваторий России какую строчку занимает наша?

- Как посчитать. Если считать за точку отсчета какой-либо конкурс, то в прошлом году Софья Гуляк выиграла один из труднейших международных конкурсов в Лидсе, пройдя четыре тура. Там соревновались самые закаленные бойцы. Она оказалась первой женщиной, которая выиграла этот конкурс. Но это единомоментно. Сегодня мы победили в Лидсе, а завтра окажемся на каком-то другом месте.

- Как-то в одной из своих статей в газете "Культура" пианист Николай Петров написал о том, что таких педагогов, как Эльфия Бурнашева и Галина Ластовка из Казани, в Москве и не видывали.

- Николай Арнольдович к нам хорошо относится, и мы встречаем его как дорогого гостя. Но должен сказать, что Москва не бедна музыкантами. Считать, что мы пуп земли - это только могут студенты в шутку. Знаете, как "каисты" пишут? "КАИ - пуп земли!". Все происходит так стремительно, так меняется. Во всяком случае, мы не обделены вниманием. Нас ищут не в середине списка, а в начале.